

УДК 325.14(470:410) + 331.556.4
ББК ТЗ(2)5-284.6

АНГЛИЧАНЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И МЕСТО В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

С.А. Кривоногова

В статье на основе статистических данных проанализированы изменения численности выходцев из Великобритании в Российской империи. Определены сферы их профессиональной деятельности. Проанализирована роль англичан в развитии торговли и банковского сектора, в процессе создания и развития отдельных отраслей российской промышленности. Их место в российской армии и военно-морском флоте. Сделан вывод о значимости английского исторического опыта в развитии российской экономики.

Ключевые слова: миграция, история России XVIII–XIX веков, русское общество, русско-британские отношения.

Технологический, культурный и, в целом, исторический прогресс Российского государства есть результат гармоничного, а иногда и не совсем гармоничного, сочетания национальной традиции и проникновения иностранного исторического опыта. Это проникновение осуществляется, как известно посредством различных механизмов и одним из наиболее значимых является взаимодействие с представителями различных диаспор. К числу таковых есть все основания отнести англичан, чья роль в истории России является немаловажной и в качестве примера развития и в качестве источника инноваций.

«Массовая», по сравнению с предыдущими периодами миграция на территорию России иностранцев, стала согласно мнению В.О. Ключевского результатом Великого посольства. Численность англичан в этом потоке оценивается различными исследователями совершенно неодинаково: от нескольких десятков до полутысячи. Правовую базу миграции составил «Манифест о приглашении иностранцев на поселение в Россию» от 16 апреля 1702 года, указывающий «чтобы впредь приезжающим офицерам, никаким образом препятствия или беспокойства причинено не было, но чтобы напротив того им оказана была всякая добровольная готовность к услугам, равным образом купцы и художники намеревающиеся въехать в Россию, имеют быть приняты со всякою милостию». Цели такого революционного по сути шага Манифест объяснял: «дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научиться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться, ... дабы войска наши ... состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине; ... дабы сие тем более усовершенствовать ...». Манифест гарантировал «свободное отправ-

ление богослужения всех других, хотя с Нашею Церковию не согласных Христианских сект» [9, с. 192–195]. Примером конкретной реализации такого подхода стала Петербургская католическая церковь, построенная в 1710 г., но интернациональная община военнослужащих и мастеровых, составившая основу прихода, существовала как минимум с 1704 г. В 1709 г. она насчитывала 70 человек [2, с. 13].

Манифест отражал и соответствующую периоду ценность иностранных кадров: в первую очередь военных специалистов, но после нескольких военных неудач, в частности Прусского похода 1711 г., эйфория по поводу иноземцев в армии была преодолена. Но и в дальнейшем для укрепления русского военно-морского флота приглашение иностранцев практиковались. В 1734–1738 гг. был осуществлен новый набор иностранных военных специалистов. И привлекались в первую очередь британцы и датчане. Объяснение переориентации с голландских моряков на британских лежит в фактическом свертывании судостроения и даже фактическом отсутствии офицерского корпуса в Голландии. С 1753 г. на службу в Россию были приглашены 12 британских морских офицера, с 1764 по 1772 – 50, в 1783 – единовременно 38, с 1787 по 1789 – 30. По оценке Э. Кросса в правление Екатерины II на российском флоте служили более 150 британских офицеров на Каспийском, черном, Азовском морях [7, с. 202]. В царствование Павла I и первые годы царствования Александра I приглашение на российскую службу британских офицеров практически прекратилось, хотя в высших эшелонах российского военно-морского флота оставалось еще немало британцев. В первом десятилетии XIX века на российском флоте было около 15 адмиралов имеющих английское происхождение, большинство из которых приняли российское подданство [7, с. 279].

Наряду с военными последующее десятилетия среди иммигрантов растет число и гражданских специалистов. В 1713 году русский посол Салтыков привез из Лондона 6 хирургов. Британская миграция отражала региональную тенденцию того периода – преимущественную миграцию из стран Северной Европы.

Основными местами компактного расселения британских подданных на территории России являлись, прежде всего, Санкт-Петербург, Москва, Архангельск, Кронштадт, где у Британской российской компании были свои конторы. По сценке Э. Кросса к концу правления Петра I в Петербурге постоянно проживало не более 200 британских подданных [6, с. 222]. В 1730–1740-х гг. в Россию устремился поток британцев, особенно хирургов и врачей. А в 1760-е гг. численность британской общины выросла практически вдвое. Местом их локального проживания становится улица, названная Английской в небольшом городке София, построенном в ходе перепланировки Царского Села по заказу Екатерины II шотландским архитектором Ч. Камероном. К началу 1780-х гг. английская церковь имела 482 при-

хожанина [6, с. 28]. Есть данные, что к концу XVIII века британская диаспора Санкт-Петербурга насчитывала более 1500 человек и была очень влиятельной [7, с. 146]. В Санкт-Петербурге появляется английская библиотека, Английский кофейный дом, Английский клуб¹. В середине XIX века численность британской общины более двух тысяч человек, что составляло примерно 0,2–0,3 % от общего населения страны и оставалась практически неизменной до первой мировой войны.

Британская община в Москве имела ряд особенностей. Во-первых, о ней можно говорить, по сути, только применительно к двум первым десятилетиям XVIII века. Затем дипломатический корпус разместился в Петербурге и община практически прекратило свое существование. Но в 1783 году в Москве также появился английский клуб. В начале XIX века число англичан в Москве начинает расти, но согласно данным 1912 г. не превышает 1000 человек [8, с. 241].

Помимо потребностей реформирующегося государства в военных и гражданских специалистах важным фактором стимулирующим миграцию на территорию России иностранных граждан следует признать торговлю. Торговля России с европейскими государствами отражала динамику сближения России с Западом в конкретных показателях. Имеющиеся данные позволяют достаточно точно определить численность, национальный состав европейских купцов в России. По документам прослеживается деятельность 540 иноземных купцов с 1693 по 1726 г. Одновременно в России находилось от 50 до 100 человек [5, с. 21] и в правление Петра I их число неуклонно возрастало.

Английские купцы (92 человека) входили в тройку наиболее представительных групп наряду с германскими (138) и голландскими (172) [5, с. 22–23], а по данным о товарообороте вообще лидировали: в 1710 г товарооборот англичан в Архангельске составил 1138079 руб., голландцев – 764233 руб., купцов Германии – 744782 руб. [4, с. 208].

Английские купцы демонстрировали выдающиеся коммерческие способности: после того как английская компания Tobacco Adventure, получила доступ на российский рынок, ее агент К. Гутфель за два года смог организовать торговлю больше чем в 50 российских городах, охватив практически весь внутренний рынок [5, с. 150–155].

На протяжении всего XVIII века Англия оставалась главным внешне-торговым партнером России, с другой стороны ряд авторов видят в этом и основную проблему внешней торговли России – зависимость от иностранных, прежде всего английских купцов. Английские купцы контролировали 9/10 ввоза российских товаров в Европу и вывоза из нее. Из 457 иностранных торговых кораблей, побывавших в порту Санкт-Петербурга в 1766 году,

¹ Членами Английского клуба в Петербурге в разное время были: Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, И.А. Крылов, Ф.И. Шубин.

165 были английскими, 68 – голландскими, 40 – датскими и т.д. В 1773 г. в Петербургском порту побывали уже 326 английских торговых судов. Только к концу XVIII века 10 % ввоза и вывоза перешло под контроль русских купцов, но даже в начале XIX века российская внешняя торговля практически контролировалась более чем 4000 английских торговцев постоянно проживающих в Санкт-Петербурге [1, с. 178].

Аналогичная ситуация сохранялась и в середине XIX века. Англия занимала первое место по объему как вывозимых (37 %), так и ввозимых (29,2 %) товаров. В Великобританию по-прежнему шли сырье и материалы (хлеб, лен, пенька, кожа), в Россию ввозился каменный уголь, бумажная пряжа, пряности, механизмы. В 1860–1970-е гг. вырос импорт из Англии продукции тяжелой промышленности, необходимой для строительства и эксплуатации железных дорог.

Определенный вклад внесли выходцы из Англии и в развитие банковского дела России. Во второй половине XVIII в. в деловой жизни Петербурга стали играть придворные банкиры. Среди банкиров Екатерины II заметную роль играл английский купец Ричард Сутерланд. В 1788 г. Императрица даровала ему титул барона Российской империи [7, с. 94]. Он поддерживал тесные связи со многими банкирскими домами Европы и способствовал заключению договоров о русских займах в Голландии, в частности через банкирский дом «Гоппе и К^о», ставшего в 1780–1790-е гг. основным кредитором русского правительства.

В петровский и послепетровский период закладывались основы российской промышленности и в этом процессе английские подданные принимали активное участие. С 1708 г. англичанин А. Стейлс получил от российского правительства монопольное право на производство пороха. Ему принадлежали два пороховых завода на р. Клязьме. Наряду с голландцами британцы были основателями многочисленных канатных дворов. В 1750-х гг. в Петербурге работали десять канатных дворов, два из которых принадлежали британцам – Роберту Крампу и Джеймсу Гарднеру.

Однако формируется отчетливое впечатление, что торгово-промышленные круги Англии видели в России, прежде всего рынок сбыта. По настоянию торгово-промышленных кругов Англии королева Анна запретила вывоз оборудования для производства табака в Россию, а также выезд специалистов. Посланник в России Ч. Витворт получил предписание уничтожить оборудование уже созданной мастерской, принадлежащей английской табачной компании в Москве. Ч. Витворт препятствовал строительству канатных, мыловаренных, железных заводов в России.

Хотя среди английских промышленников встречался и иной типаж. И их деятельность по основанию новых предприятий в России нередко отрицательно оценивалась у них на родине. Так известен факт негативной оценки владельца рафинадных заводов в Петербурге Чарльза Дигли британской газетой «Political Register»: «1. Кто первым научил русских искус-

ству набивки льняного полотна, нанеся тем самым явный ущерб нашим искусным отечественным изобретателям в этой отрасли? 2. Кто внедрил в России очистку сахара и построил там рафинадный завод в ущерб экспорту рафинада отсюда? 3. кто был причастен к эмиграции предпринимателей из нашей страны в российскую империю и активно способствовал ей, причиняя ущерб промышленности королевства?» [7, с. 78–83]. Но несмотря на такое отношение, британцы были весьма предприимчивы на российском рынке в 1790-е гг. на Олонецких заводах работало около 28 британских специалистов, трудились они и на Кронштадском чугунолитейном заводе.

Доминирующее положение занимали английские акционерные общества в добыче нефти и цветных металлов, в военном судостроении. В Петербурге британцы М.Е. Карр и М.Л. Макферсон основали Балтийский завод – флагман отечественного строительства броненосцев. В часовом бизнесе прославилась династия английских мастеров Гайнам, служившей при императорском дворе в XVIII – начале XIX вв. В 1709 г. Петр отдал англичанину Вилиму Ллойдсу существовавший в Москве стекольный завод с обязательствами расширить производство и обучить русских мастеров усовершенствованным технологиям.

Важная роль принадлежала англичанам и в текстильной промышленности в первой половине XVIII века англичане Чемберлен и Козенс учредили первую в Петербурге ситцевую фабрику в 1755 г. англичанин Ботлер получил исключительное право на производство в России полотняных и бумажных шпалер. С начала 1840-х гг., когда из Англии был разрешен экспорт текстильных станков и оборудования это самым положительным образом сказалось и на масштабном технологическом обновлении российской текстильной промышленности. Для устройства Гесевской бумагопрядильной мануфактуры был приглашен английский инженер Белли, ставший впоследствии ее директором. На рубеже XIX–XX вв. техническая часть Гесевской бумагопрядильни находилась в руках английского подданного В.Я. Эджа. даже в период Первой мировой войны все текстильные фабрики Петрограда и около 40 фабрик Московского региона управлялись британским техническим персоналом [3, с. 154].

Обзор роли британских подданных в российском социуме в XVIII – начале XX веков позволяет говорить о значительной роли англичан в развитии российской промышленности, особенно текстильной, металлургической, нефтедобыче, занимали они и существенные позиции в русской армии, особенно военно-морском флоте. Их опыт коммерческой деятельности, владение передовыми технологиями «мастерской мира» способствовали российской модернизации, являясь одним из центров фундаментальных инноваций. В России рубеж XVIII–XIX веков стал по сути периодом англomanии: сначала набирает силу приверженность английскому вкусу, затем, в начале царствования Александра I, наступает период наибольшего влияния британской культуры в России.

Библиографический список

1. Алексеева, Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX века): монография / Е.В. Алексеева, Российская политическая энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 368 с.
2. Андреев, А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии: статья / А.Н. Андреев // Вестника Южно–Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 13–21.
3. Арсентьев, Н.М. Российские предприниматели Мальцовы: монография / Н.М. Арсентьев, А.А. Макушев. – Саранск: Мордов. кн. издательство, 2006. – 267 с.
4. Захаров, В.Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII – первой четверти XVIII века: статья / В.Н. Захаров // Исторические записки. – 1985. – № 112. – С. 205–211.
5. Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века = West-European merchants in Russian trade of the 18th century: монография / В.Н. Захаров; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 2005. – 716 с.
6. Кросс, Э.Г. Величайшие дары: английские игры в России: статья / Э.Г. Кросс // Родина. – 2003. – № 5/6. – С. 171–173.
7. Кросс, Э.Г. Британцы в Петербурге: XVIII век: монография / Э.Г. Кросс, пер. с англ.; Н.Г. и Ю.Н. Беспятых. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. – 528 с.
8. Петров, Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Вогау и К°»: статья / Ю.А. Петров // Экономическая история: Ежегодник, 2000 – М., 2001. – С. 241–268.
9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1. Т. IV: 1700–1712: сб. док. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

[К содержанию](#)